

О фанатизмѣ, ортодоксіи и истинѣ.

Тема о фанатизмѣ, связанная с приверженностью к ортодоксальным учениям, очень актуальна. Исторія ритмична, в ней огромную роль играет смѣна психических реакцій. И мы вступаем в ритм, когда преобладает направленность к принудительному единству, к обязательной для всѣх ортодоксіи, к порядку, подавляющему свободу. Это есть реакція против XIX вѣка, против его свободолюбія и человѣчности. Вырабатывается массовая психологія нетерпимости и фанатизма. При этом нарушается равновѣсіе и человек допускает себя до маниакальной одержимости. Индивидуальный человек дѣлается жертвой коллективных психозов. Происходит страшное суженіе сознанія, подавленіе и вытѣсненіе многих существенных человѣческих черт, всей сложности эмоціальной и интеллектуальной жизни человека. Единство достигается не через полноту, а через все большую и большую ущербленность. Нетерпимость имѣет родство с ревностью. Ревность есть психоз, при котором теряется чувство реальностей. Душевная жизнь опрокидывается и фиксируется на одной точкѣ, но та точка, на которой происходит фиксація, совсѣм не реально воспринимается. Человек, в котором нетерпимость дошла до каленія фанатизма, подобно ревнивцу, всюду видит лишь одно, лишь измену, лишь предательство, лишь нарушеніе вѣрности единому, он подозрителен и мнителен, всюду открывает заговоры

против излюбленной идеи, против предмета своей вѣры и любви. Человѣкъ фанатически нетерпимаго, как и ревнивца, очень трудно вернуть к реальностям. Фанатик, одержимый маніей преслѣдованія, видит вокруг козни діавола, но он всегда сам преслѣдует, пытается и казнит. Человѣкъ, одержимый маніей преслѣдованія, который чувствует себя окруженным врагами, очень опасное существо, он всегда дѣлается гонителем, он то и преслѣдует, а не его преслѣдуют. Фанатики, совершающіе величайшія злодѣянія, насилія и жестокости, всегда чувствуют себя окруженными опасностями, всегда испытывают страх. Человѣкъ всегда совершает насилія из страха. Аффектъ страха глубоко связан с фанатизмом и нетерпимостью. Излѣченіе от страха и было бы излѣченіем от фанатизма и нетерпимости. Фанатику діавол всегда кажется страшным и сильным, он вѣрит в него болѣе, чѣм в Бога. Фанатизм имѣет религіозные истоки, но он легко переходит на сферу національную и политическую. Национальный или политическій фанатик также вѣрит в діавола и его козни, хотя бы религіозная категория діавола была ему совершенно чужда. Против сил діавола всегда создается инквизиція или комитет общественнаго спасенія, всесильная тайная полиція, чека. Эти страшныя учрежденія всегда создавались страхом діавола. Но діавол всегда оказывался сильнѣе, он пропикалъ в эти учрежденія и руководил ими. Нѣтъ ничего страшнѣе страха. Духовное излѣченіе от страха нужнѣе всего человѣку. Нетерпимый фанатик совершает насилія, отлучает, сажает в тюрьмы и казнит, но он в сущности слабый, а не сильный, он подавлен страхом и сознаніе его страшно сужено, он меньше вѣрит в Бога, чѣм терпимый. В извѣстном смыслѣ можно было бы сказать, что фанатическая вѣра есть слабость вѣры, безвѣріе. Это вѣра отрицательная. Архимандрит Фотій эпохи Александра I вѣрил главным образом в діавола и антихриста. Сила Бога представлялась ему ничтожной по сравненію с силой діавола. Инквизиція также мало вѣрит в силу христіанской истины, как генеу мало вѣрит в силу

коммунистической истины. Фанатическая нетерпимость есть всегда глубокое невѣріе в челоѣка, в образ Божій в челоѣкѣ, невѣріе в силу истины, т. е. в концѣ концов невѣріе в Бога. Ленин также не вѣрил в челоѣка и в силу истины, как и Побѣдоносцев: они одной расы. Челоѣк, допустившій себя до одержимости идеей міровой опасности и мірового заговора масонов, евреев, иезуитов, большевиков или окултнаго общества убійц, перестает вѣрить в Божью силу, в силу истины и полагается лишь на собственные насилія, жестокости и убійства. Такой челоѣк есть в сущности предмет психопатологіи и психоанализа. Маниакальная идея, внушенная страхом, и есть самая большая опасность. Сейчас фанатизм, пафос общеобязательной ортодоксальной истины обнаруживают себя в фашизмѣ, в коммунизмѣ, в крайних формах религіознаго догматизма и традиціонализма.

Фанатизм всегда дѣлит мір и челоѣчество на двѣ части, на два враждебных лагеря. Это есть военное дѣленіе. Фанатизм не допускает сосуществованія разных идей и міросозерцаній. Существует только враг. Силы враждебныя унифицируются, представляются единым врагом. Это совершенно подобно тому, как если бы челоѣк производил дѣленіе не на я и множество других я, а на я и не я, причем не я представлял себѣ единым существом. Это страшное упрощеніе облегчает борьбу. Для коммунистов есть сейчас только один враг в мірѣ — фашизм. Всякій противник коммунизма тѣм самым уже фашист. И наоборот. Для фашистов всякій противник фашизма тѣм самым уже коммунист. При этом количество фашистов и коммунистов в мірѣ непомѣрно возрастает. Люди из вражды к коммунизму становятся на сторону фашизма и из вражды к фашизму на сторону коммунизма. Объединеніе происходит по отношенію к діаволу, который есть другая половина міра. Вам предлагают нелѣпный выбор между фашизмом и коммунизмом. Непонятно, почему я должен выбирать между двумя силами, которыя одинаково отрицают

достоинство человѣческой личности и свободу духа, одинаково практикуют ложь и насиліе, как способы борьбы. Ясно, что я долженъ стать на сторону какой-то третьей силы: так и дѣлаетъ во Франціи теченіе, связанное съ "Esprit" и "La Flèche", одинаково враждебно капитализму, фашизму и коммунизму. Фанатическая нетерпимость всегда ставитъ передъ ложнымъ выборомъ и производитъ ложное дѣленіе. Но интересно, что пафосъ фанатической нетерпимости въ наше время есть результатъ не страстной вѣры и убѣжденности, а искусственнаго взвинчиванія, часто стилизаціи и есть порожденіе коллективныхъ внушеній и демагогіи. Есть, конечно, отдѣльные коммунисты и фашисты, вѣрующіе и убѣжденные до фанатизма, особенно среди русскихъ коммунистовъ и нѣмецкихъ наци, менѣе среди итальянскихъ фашистовъ, болѣе скептическихъ и подчиненныхъ разсчетливой политикѣ. Но у коммунистической и фашистской массы никакихъ твердыхъ и продуманныхъ вѣрованій и убѣжденій нѣтъ. Эта масса стилизуется подъ фанатизмъ вслѣдствіе внушенія и подражанія, а часто и интереса. Современный пафосъ нетерпимости очень отличается отъ средневѣковаго; тогда дѣйствительно была глубокая вѣра. Средній человѣкъ нашего времени идей не имѣетъ, онъ имѣетъ инстинкты и аффекты. Нетерпимость его вызвана условіями войны и жаждой порядка. Онъ знаетъ лишь истину полезную для организаціи. Двучленное дѣленіе міра, вызванное требованіями войны, имѣетъ свои неотвратимыя послѣдствія. Наша эпоха не знаетъ критики и идейнаго спора, и не знаетъ борьбы идей. Она знаетъ лишь обличенія, отлученія и кары. Инакомыслящій разсматривается, какъ преступникъ. С преступникомъ не спорятъ. В сущности нѣтъ больше идейныхъ враговъ, есть лишь враги военные, принадлежащіе къ враждебнымъ державамъ. Споръ есть терпимость, самый свирѣпый спорщикъ — терпимый человѣкъ, онъ допускаетъ сосуществованіе иныхъ идей, чѣмъ его идеи, онъ думаетъ, что отъ столкновенія идей можетъ лучше раскрыться истина. Но сейчасъ въ мірѣ никакой идейной борьбы не происходитъ, происходитъ борьба интересовъ

и кулаков. Коммунисты, фашисты, фанатики “ортодоксального” православия, католичества или протестантизма ни с какими идеями не спорят, они отбрасывают противника в противоположный лагерь, на который наставляются чудеметы. Нафос ортодоксальной доктрины, которая оказывается полезной для борьбы и для организации, ведет к полной потере интереса к мысли и к идеям, к познанию, к интеллектуальной культуре, и сравнение с средневековьем очень неблагоприятно для нашего времени. Никакого идейного творчества при этом не обнаруживается. В этом отношении наша нетерпимая эпоха поразительно бездарна и убога, в ней творческая мысль замирает, она паразитарно питается предшествующими эпохами. Мыслители наиболее влиятельные в современной Европе, как Маркс, Ницше, Киркегардт, принадлежат тому XIX веку, против которого сейчас происходит реакция. Единственная область, в которой обнаруживается головокружительное творчество, есть область технических открытий. Мы живем под знаком социальности и в этой области происходит много положительного, но никаких социальных идей, социальных теорий сейчас не создается, все они принадлежат XIX веку. Марксизм, прудонизм, синдикализм, даже расизм — все порождение мысли XIX века. Главное преимущество нынешнего века в том, что он более обращен к реальностям, разоблачает реальности. Но разоблачая старые идола, новый век создает новые идола.

Для фанатика не существует многообразного мира. Это человек, одержимый одним. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем кроме одного. Психологически фанатизм связан с идеей спасения или гибели. Именно эта идея фанатизирует душу. Есть единое, которое спасает, все остальное губит. Поэтому нужно целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий гибелью. С гибелью, связанной с множественным миром, связан и аффект страха, который всегда есть в подпочве фанатизма. Инквизиторы

бывали совершенно убѣждены, что совершаемая ими жестокости, пытки, сжиганія на кострах и пр. есть проявленіе челоѣколюбія. Они боролись против гибели за спасеніе, охраняли души от соблазна ересей, грозивших гибелью. Лучше причинить краткія страданія в земной жизни, чѣм гибель для многих в вѣчности. Горквемада был безкорыстный, отрѣщенный челоѣкъ, он ничего не желал для себя, он весь отдавался своей идеѣ, своей вѣрѣ, истязая людей, он служил своему Богу, он все дѣлал исключительно во славу Божью, в нем была даже мягкость, он ни к кому не испытывал злобы и вражды, он был в своем родѣ “хорошій” челоѣкъ. Я убѣжден, что таким же “хорошим” челоѣнком, убѣжденным вѣрующим, безкорыстным, был и Держинскій, который вѣдь в молодости был страстно вѣрующим католиком и хотѣл стать монахом. Это интересная психологическая проблема. Вѣрующій, безкорыстный, идейный челоѣкъ, может быть изуѣром, совершать величайшія жестокости. Отдать себя без остатка Богу или идеѣ, замѣняющей Бога, минуя челоѣка, превратить челоѣка в средство и орудіе для славы Божьей или для реализаціи идеи значит стать фанатиком — изуѣром и даже извергом. Именно Евангеліе открыло людям, что нельзя строить своего отношенія к Богу без отношенія к челоѣку. Если фарисеи ставили субботу выше челоѣка и были обличаемы Христом, то и всякій челоѣкъ, который поставил отвлеченную идею выше челоѣка, исповѣдует религію субботы, отвергнутую Христом. При этом все равно будет ли это идея церковной ортодоксии, государственности и націонализма или идея революціи и социализма. Челоѣкъ, помѣщенный на отысканіи и обличеніи ересей, на отлученіи и преслѣдованіи еретиков, есть челоѣкъ давно обличенный и осужденный Христом, хотя он этого не замѣчает. Паталогическая ненависть к ереси есть одержимость “идеей”, которая поставлена выше челоѣка. Но всѣ ортодоксальныя доктрины міра есть ничто по сравненію с послѣдним из людей и его судьбой. Челоѣкъ есть образ и подобіе Божье. Всякая же система идей есть

порожденіе человѣческой мысли или безмыслія. Человѣкъ не спасается и не гибнет от того, что придерживается какой-либо системы идей. Единственная настоящая ересь есть ересь жизни. Обличители и гонители ересей как раз и бывали еретиками жизни, еретиками в отношеніи к живому человѣку, к милосердію и любви. Всѣ инквизиторы были еретиками жизни, они были измѣнниками жизненному догмату о человѣкѣ. Кирилл Александрійскій был болѣе еретиком жизни, чѣм обличаемые им еретики. За обличеніями еретиков всегда скрыта грѣховная похоть власти, воля к могуществу. Паталогическая одержимость идеями спасенія и гибели, от которой слѣдовало бы лѣчиться, может быть перенесена и на социальную сферу. Тогда эта паническая идея порождает революціонный фанатизм и создает политическія инквизиціонныя учрежденія. Нетерпимость и инквизиція оправдываются грозящей социальной гибелью. Так московскіе процессы коммунистов очень напоминают процессы вѣдм. И здѣсь и там обвиняемые сознаются в преступных сношеніях с дьяволом. Человѣческая психика мало мѣняется. В сущности фанатизм всегда носит социальный характер. Человѣкъ не может быть фанатиком, когда он поставлен перед Богом, он дѣлается фанатиком лишь когда он поставлен перед другими людьми. Фанатик всегда нуждается во врагѣ, всегда должен кого-либо казнить. Ортодоксальныя догматическія формулы образованы не по отношенію к Богу, а по отношенію к другим людям, онѣ образовались потому, что возникли еретическія мнѣнія. Фанатизм всегда означает социальное принужденіе. Или он может принимать формы самосожиганія, как напр. в крайних теченіях русскаго раскола, но и в этом случаѣ он тоже означает социальное принужденіе с обратным знаком. Фанатизм крайней ортодоксіи в религіи носит сектантскій характер. Чувство удовлетворенія от принадлежности к кругу избранных есть сектантское чувство. Фанатизм очень накаляет волю и организовывает для борьбы, для причиненія мученій и для перенесенія мученій. У самаго мягкаго, крот-

каго фанатика, сознающаго себя челоѡколюбцем, заботящимся о спасеніи душ и обществъ, есть элемент садизма. Фанатизмъ всегда связанъ с явленіемъ мучительства. Идеологически фанатизмъ всегда есть изступленіе ортодоксіи.

Категорія ортодоксіи, противопологаемой ереси, примѣняется сейчасъ къ типамъ мышленія, ничего общаго не имѣющаго съ религіей, напр. къ марксизму, но она религіознаго происхожденія. Хотя она религіознаго происхожденія, но все же есть прежде всего явленіе соціальное и означаетъ господство коллектива надъ личностью. Ортодоксія есть умственная организація коллектива и означаетъ экстеріоризацію сознанія и совѣсти. Ортодоксія утверждаетъ себя въ противоположеніи ереси. Еретикъ есть челоѡкъ мыслящій не въ согласіи съ умственной организаціей коллектива. Люди, почитающіе себя ортодоксальными по преимуществу и обличающіе еретиковъ, т. е. инакомыслящихъ, любятъ говорить, что они защищаютъ истину и истину ставятъ выше свободы. Это есть самое большое заблужденіе и самообольщеніе ортодоксовъ. Пафосъ ортодоксіи, питающій фанатизмъ, ничего общаго не имѣетъ съ пафосомъ истины, онъ какъ разъ ему противоположенъ. Ортодоксія образуется вокругъ темы спасенія и гибели, ортодоксы сами испуганы и пугаютъ другихъ. Истина же не знаетъ страха. Именно хранители ортодоксіи болѣе всего искажали истину и боялись ее. Хранители религіозной ортодоксіи искажали исторію. Хранители марксистской или расистской ортодоксіи также искажаютъ исторію. Эти люди всегда создаютъ злостныя легенды о враждебной имъ силѣ. Истина подмѣняется пользой, интересами организованнаго порядка. Челоѡкъ, фанатизированный какой-либо идеей, какъ единоспасающей, не можетъ искать истины. Исканіе истины предполагаетъ свободу. Истины нѣтъ внѣ свободы, истина дается лишь свободѣ. Внѣ свободы есть лишь польза, а не истина, лишь интересы власти. Фанатикъ какой-либо ортодоксіи ищетъ власти, а не истины. Истина не дана готовой и не воспринимается пассивно челоѡкомъ, она есть безконечное зада-

ние. Истина не падает сверху на человека, как какая-то вещь. И откровение истины нельзя понимать наивно-реалистически. Истина есть также путь и жизнь, духовная жизнь человека. Духовная же жизнь есть свобода и ей нет ни свободы. Фанатики ортодоксии в сущности не знают истины, ибо не знают свободы, не знают духовной жизни. Фанатики ортодоксии думают, что они люди смиренные, ибо послушные истинам церковной, и обвиняют других в гордости. Но это страшное заблуждение и самообольщение. Пусть в церкви заключается полнота истины. Но почему ортодокс воображает, что именно он обладает этой истиной церкви, именно он ее знает. Почему именно ему дан этот дар окончательного различения церковной истины от ереси, почему именно он оказывается этим избранныком. Это есть гордость и самомнение и нет более гордых и самомнящих людей, чем хранители ортодоксии. Они отождествляют себя с церковной истиной. Существует ортодоксальная церковная истина. Но вот может быть ты, фанатик ортодоксии ее не знаешь, ты знаешь лишь осколки ее вследствие своей ограниченности, сердечной окаменелости, своей нечуткости, своей приверженности формам и закону, отсутствию даровитости и благости. Человек, допустивший себя до фанатической одержимости, никогда не предполагает такой возможности о себе. Он, конечно, готов признавать себя грешником, но никогда не признает себя находящимся в заблуждении, в самообмане, в самодовольстве. Поэтому он считает возможным при все своей грешности пытать и гнать других. Фанатик сознает себя вводящим. Но может быть врага его не имеет никакого отношения к истине. Истина есть прежде всего выход из себя, фанатик же выйти из себя не может. Он выходит из себя только в злобу против других, но это не есть выход к другим и другому.

Фанатик — эгоцентрик. Врага фанатика, его беззаветная и безкорыстная преданность идеям несколько не помогает ему преодолеть эгоцентризм. Аскета фанатика, а фанатики часто бывают аскетами, несколько не побуждает

поглощенности собой, нисколько не обращает его к реальностям. Фанатик какой-либо ортодоксіи отождествляет свою идею, свою истину с собой. Он и есть эта идея, эта истина. Ортодоксія — это он. В концѣ концов это всегда оказывается единственным критеріем ортодоксіи. Фанатик ортодоксіи может быть крайним приверженцем принципа авторитета. Но он всегда незамѣтно отождествляет авторитет с собою и никакому несогласному с ним авторитету никогда не подчинится. Склонность к авторитету в нашу эпоху носит именно такой характер. Авторитарно настроенная молодежь никаких авторитетов над собой не признает, она себя сознает носителем авторитета. Ультра-православно настроенная молодежь, которая не любит свободы и обличает ереси, себя почитает носителем православія. Это есть примѣръ того, насколько идея авторитета противорѣчива и несостоятельна. Авторитет на практикѣ никогда не стѣсняет его фанатических приверженцев, он стѣсняет других, их противников и насилует их. В сущности никто никогда не подчинялся авторитету, если считал его несогласным с его пониманіем истины. Исповѣданіе какой-либо крайней ортодоксіи, какой-либо тоталитарной системы всегда означает желаніе принадлежать к кругу избранных, носителей истиннаго ученія. Это льстит гордости и самомнѣнію людей. По сравненію с этим свободолубіе означает скромность. Очень приятно и лестно почитать себя единственным знающим, что такое истинное православіе или истинный марксизм-ленинизм (психологія та же). Робеспьер беззавѣтно любил республиканскую добродѣтель, он был самый добродѣтельный человек в революціонной Франціи и даже единственный добродѣтельный. Он отождествил себя с республиканской добродѣтью, с идеей революціи. Это был законченный тип эгоцентрика. Вот это помѣшательство на добродѣтели, это отождествленіе себя с ней и было в нем самое отвратительное. Порочный Дантон был в тысячу раз лучше и человѣчнѣе. Эгоцентризм фанатика какой-либо идеи, ка-

кого-либо ученія выражается в том, что он не видит чело-
вѣческой личности, невнимателен к личному чело-
вѣческому пути, он не может установить никакого отношенія к
міру личностей, к живому, конкретному чело-
вѣческому міру. Фанатик знает лишь идею, но не знает чело-
вѣка, не знает чело-
вѣка и тогда, когда борется за идею чело-
вѣка. Но он не воспринимает и міра идей иных, чѣм его соб-
ственныя, не способен войти в общеніе идей. Он обыкновен-
но ничего не понимает и не может понять; именно эгоцент-
ризм лишает его способности пониманія. Он совсѣм не хо-
чет убѣдить в истинности чего-либо, он совсѣм не интере-
суется истиной. Интерес к истинѣ выводит из замкнутого
круга эгоцентризма. Эгоцентризм совсѣм не то же самое
что эгоизм. Эгоист в житейском смыслѣ слова все же может
выйти из себя, обратить вниманіе на других людей, заинте-
ресоваться міром чужих идей. Но фанатик-эгоцентрик,
безкорыстный, аскетическій, беззавѣтно преданный какой-
либо идеѣ, совсѣм не может, идея центрирует его на самом
себѣ.

Для нашей смутной эпохи характерны не только
вспышки фанатизма, но и стилизація фанатизма. Современ-
ные люди совсѣм не так фанатичны и совсѣм не так при-
вержены ортодоксальным ученіям, как это может казаться.
Они хотят казаться фанатиками, имитируют фанатизм, про-
износят слова фанатиков, дѣлают насилующіе жесты фа-
натиков. Но слишком часто это лишь прикрывает внутрен-
нюю пустоту. Имитація и стилизація фанатизма есть лишь
один из способов заполнения пустоты. Это означает также
творческое безсиліе, неспособность на мысли. Претендую-
щіе на знаніе ортодоксальной истины находятся в состоя-
ннн безмыслія. Любовь к мысли, к познанію есть также лю-
бовь к критикѣ, к діалогическому развитію, любовь к чужой
мысли, а не только к своей. Фанатической нетерпимости
противопологают терпимость. Но терпимость есть сложный
феномен. Терпимость может быть результатом безразличія,
равнодушія к истинѣ, неразличеніе добра и зла. Это есть

теплопроходная, либеральная терпимость и не ее нужно противопоставлять фанатизму. Возможна страстная любовь к свободѣ и к истинѣ, пламенная приверженность идеѣ, но при огромном вниманіи к человѣку, к человѣческому пути, к человѣческому исканію истины. Свобода можетъ быть понята, какъ неотрывная часть самой истины. И не все человѣкъ долженъ терпѣть. Къ современной нетерпимости, фанатизму, къ современной ортодоксоманіи совѣмъ не нужно относиться терпимо, наоборотъ, нужно относиться нетерпимо. И врагамъ свободы совѣмъ не нужно давать безграничной свободы. В известномъ смыслѣ намъ нужна диктатура реальной свободы. Современные же диктатуры во всѣхъ ихъ формахъ покоятся на душевномъ фундаментѣ, который обнаруживаетъ тяжкое душевное заболѣваніе. Нуженъ курсъ духовнаго леченія.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ.